

ДИСКУССИЯ: ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

ЦЕРКОВНЫЙ ПРАЗДНИК В ОЛОНЕЦКОМ УЕЗДЕ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ

Е.Д. Сулова

Евгения Дмитриевна Сулова | <https://orcid.org/0000-0003-1017-8761> | evgenia.suslova@mail.ru
| к. и. н., доцент кафедры зарубежной истории Института истории, политических и социальных наук | Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина 33, Петрозаводск, 185910, Россия)

Ключевые слова

Русская православная церковь, приход, крестьянская община, традиционная праздничная культура, Олонецкий уезд, XVII век

Аннотация

В статье впервые предпринята попытка осмыслить, что представлял собой церковный праздник в Олонецком уезде Российского государства в конце 1640-х — начале 1680-х годов. С опорой на сопоставительный анализ актов из фонда “Олонецкой воеводской избы” и переписных книг середины XVII — начала XVIII в. выявлены типы праздников, охарактеризованы ареалы праздничных связей и состав участников, проанализированы отдельные элементы традиционной праздничной культуры и функции церковного праздника. Акты содержат сведения об участии крестьян в церковных праздниках, к которым нередко были приурочены семейные торжества и даты хозяйственного календаря. Специфика церковного праздника в регионе с преобладанием черносошного крестьянства и укоренившимися традициями общинного самоуправления связана с архаикой прихода, выступавшего одновременно религиозным союзом и поземельной общиной. Праздник являлся не только временем торжества, но также временем совершения хозяйственных сделок и решения важных общинных дел. Утвердившееся в этнологии мнение о присутствии в древности на престольных праздниках у карелов и вепсов только родственников требует пересмотра — его участниками были представители как патронимий, так и поземельных общин разных уровней. Церковный праздник содействовал дальнейшей консолидации коренных этносов в ареалах их расселения, а также межэтническому взаимодействию и формированию этнолокальных групп.

Статья поступила 07.08.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 06.09.2024
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (Chicago Manual of Style, Author-Date):

Сулова Е.Д. Церковный праздник в Олонецком уезде в раннее Новое время: опыт реконструкции по письменным источникам // Этнографическое обозрение. 2024. № 6. С. 97–126. <https://doi.org/10.31857/S0869541524060068> EDN: VTOMNT

Suslova, E.D. 2024. Tserkovnyi prazdnik v Olonetskom uезде v rannee novoe vremia: opyt rekonstruktsii po pis'mennym istochnikam [Church Feast in the Olonets Region in the Early Modern Period: An Experience in Reconstruction Based on Archival Sources]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 97–126. <https://doi.org/10.31857/S0869541524060068> EDN: VTOMNT

Церковный праздник в традиционной культуре крестьян Русского Севера: осмысление в историографии

История церковного праздника в приходах Русского Севера допетровской Руси впервые привлекла внимание ученых в середине XIX в. Опираясь на актовый материал XV–XVII вв., П.В. Знаменский выявил, в чем заключалось своеобразие престольного праздника. Подчеркивая архаику “древней общины”, заключавшуюся в ее “двойственном характере... как гражданского и... нравственно-религиозного союза”, ученый указал, что “праздничная сходка прихожан” обычно переходила в “братчину” — коллективную трапезу вскладчину, после чего “незаметно или даже... намеренно” — “в мирскую сходку”, во время которой велось судопроизводство, открывались торжки и совершались хозяйственные операции (Знаменский 2003 [1867]: 52, 55–56). А.А. Папков рассмотрел вопрос о происхождении и проведении праздничных “складочных пиров”, выявил отношение к ним светской власти в XII–XVII вв. (Папков 1897: 42–57). Изучая традиции общинного самоуправления в приходах Холмогорской и Важской епархии в конце XVII в., В.М. Верюжский описал устройство часовенного прихода и указал на отдельные элементы часовенного праздника (Верюжский 1908: 246–252). С.В. Юшков привел дополнительные сведения о часовенном празднике на Русском Севере в XV–XVII вв. и отметил широту прерогатив общины, имевшей возможность обращаться к архиепископу с челобитными об установлении “богослужений, крестных ходов, общественных молений” (Юшков 1913: 31, 51–65). Исходя из сведений писцовых и переписных книг XVI–XVII вв., М.М. Богословский реконструировал традиционный ландшафт погоста и привел данные о том, как в 1620-е годы проходил престольный праздник на погосте “что на Приводине на Двине” в Яро-курском стане Устюжского уезда (Богословский 1912: 22–23).

Всестороннему анализу был подвергнут социальный институт “пира” и совместимой с ним “братчины”, широко распространенный в средневековой Руси. Подытоживая опыт изучения проблемы, М.С. Черкасова и Е.Н. Швейковская описали ход дискуссии о том, кого составители грамот понимали под “незванными гостями” на “пиру”, и очертили функции “пира” в XV–XVII вв. (Швейковская 2012: 325–329; Черкасова 2011). Опираясь на данные расходных книг денежных сборщиков “всеуездного мира” Устюга 1666/67–1668/69 и 1673/74, 1675/76 гг., Е.Н. Швейковская реконструировала общинную трапезу в день праздника преп. Прокопия в Устюге (Швейковская 1999; 2012: 329–340). М.С. Черкасова интерпретировала содержание терминов для обозначения “пира” и “братчины”, встречающихся в письменных источниках Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, а также охарактеризовала типы “пиров” в XIV–XVII вв. (Черкасова 2011).

Широкие перспективы для выявления полного круга престольных праздников открыли исследования, посвященные реконструкции церковно-приходской системы Олонецкого края в раннее Новое время. Опираясь на сведения писцовых и переписных книг Заонежских и Лопских погостов конца XV–XVII в., И.А. Чернякова одной из первых выяснила общее количество приходских церквей и спектры алтарных посвящений (Чернякова, Черняков 1988; Чернякова 1998: 205–226), что позволило приблизиться к осмыслению менталитета крестьянина-карела дониконовской эпохи (Чернякова, Черняков 2010). Сопоставив спектры алтарных посвящений по источникам XVII и XIX вв., ученый обнаружила, каким праздникам крестьяне в разные эпохи посвящали храмы и как изменились

на протяжении трех столетий их предпочтения в выборе престолов (*Tcherniakova* 2003). По массовым источникам конца XV — середины XVIII в. А.Ю. Жуков выявил состав мирских церквей и их алтарные посвящения по погостам и волостям, разместив общий перечень в открытом доступе в сети Интернет (*Жуков* 2010а; *Жуков* 2010б; *Жуков* 2024). Данные исследователя о количестве церквей и трансформации предпочтений крестьянского сообщества в выборе алтарных посвящений в конце XVII — середине XVIII в. тем не менее требуют существенной корректировки (*Сулова* 2019).

История церковного праздника XVIII–XIX вв. стала предметом пристального изучения в трудах А.В. Камкина и М.В. Пулькина. Обращаясь к фондам духовных консисторий Европейского Севера России, А.В. Камкин привел сведения об общем количестве церковных приходов в уездах региона в конце XVII, конце XVIII и начале XX в., о традиционном перечне храмоименований, раскрыл, как обычно проходил престольный праздник, и выяснил его роль в жизни приходской общины (*Камкин* 1992, 2000). М.В. Пулькин исследовал отношение церковных властей к проведению в дни церковных праздников торжков и ярмарок в приходах Олонецкой губернии в конце XVIII в., а также рассмотрел, как официальная церковь, старообрядцы, сектанты и иудеи отмечали религиозные праздники в провинциальных городах губернии в XIX — начале XX в. (*Пулькин* 2009, 2010).

Возрождение в последней четверти XX в. интереса к религиозному быту и духовной жизни приходских общин Русского Севера доиндустриальной эпохи способствовало актуализации в этнологии проблемы церковного праздника и его роли в традиционной народной культуре. Одной из первых Т.А. Бернштам подчеркнула необходимость привлечения сведений о престольных и обетных праздниках для выявления своеобразия праздничного цикла и духовной культуры локальных групп русского населения (*Бернштам* 1983: 141, 168). В исследовании, посвященном определению статуса молодежи в русской сельской общине в XIX–XX вв., Т.А. Бернштам поставила вопрос о степени знакомства населения Российской империи с официальным православным календарем, выяснила принципиальные отличия в поведении и образе жизни членов общины в будни и в праздники, предложила классификацию народных праздников русского крестьянства, охарактеризовала престольные и обетные праздники (*Бернштам* 1988: 213–228). Избрав в качестве предмета изучения религиозный быт и духовную жизнь русской общины второй половины XIX — начала XX в., ученый рассмотрела широкий круг проблем: была ли община знакома с церковным уставом; как в действительности протекала жизнь мирян в храме и вне его стен. Кроме того, Т.А. Бернштам уточнила предложенную классификацию праздников (*Бернштам* 2007). Поставив целью выяснить религиозно-мифологическое миропонимание русских крестьян, А.А. Панченко на широком материале фольклора, археологии и этнографии реконструировал происхождение деревенских святынь и описал традиции их почитания в Северо-Западном регионе в XIX — начале XX в. (*Панченко* 1998).

История церковного праздника в Олонецкой губернии во второй половине XIX — начале XX в. нашла отражение в серии исследований, посвященных реконструкции традиций, обрядов и ритуалов, приуроченных к церковным праздникам у карелов, вепсов и русских. В частности, А.П. Конкка описал обетный праздник на о. Махосоари близ д. Сельга у карелов Сегозерья в начале XX в., а также обычаи и традиции, бытовавшие среди карелов в дни престольных праздников (*Конкка* 1980). У.С. Конкка и К.К. Логинов с опорой на рассказы старожилов выявили

поведение молодежи на престольных праздниках, ареал праздничных связей, праздничные обычаи, состав участников праздника у карелов Сегозерья (*Конка, Логинов* 2001). Н.Е. Поздняк привела сведения о престольном празднике Ильи Пророка в старинном карельском селении Панозеро (*Поздняк* 2003). Е.И. Клементьев рассмотрел, как отмечали престольный праздник Успения Богородицы в карельском с. Ондозеро Ругозерского р-на в начале XX в. (*Клементьев* 2016). И.Ю. Винокурова реконструировала календарные обычаи, обряды и праздники вепсов в конце XIX — начале XX в., уделив внимание исследованию заветных праздников летне-осеннего периода, приуроченных к значимым для общины церковным датам (*Винокурова* 1994). Ученый составила классификацию праздников, отмечавшихся прионежскими вепсами в конце XIX — начале XX в., и систематизировала сведения обо всех типах праздников (*Винокурова* 1996).

Р.Б. Калашникова описала традиции и обычаи празднования престольных и часовенных праздников среди русских Заонежья и Пудожья в конце XIX — начале XX в. (*Калашникова* 1994, 1999). Г.Н. Мелехова привела сведения о престольном празднике Ильи Пророка на Водлозерском погосте, ильинских трапезах в дни обетных праздников в Каргополье в начале XX в. (*Мелехова* 2009). К.К. Логинов выяснил, как совершалась вплоть до середины XIX в. коллективная трапеза с поеданием жертвенного быка и варением пива в престольный праздник Водлозерского погоста (*Логинов* 2009). Восстановив традиционный сакральный ландшафт Кенозерья, М.Н. Мелютина и Н.М. Теребихин определили круг церковных праздников и выявили, как проходили в середине XIX — начале XX в. часовенные праздники (*Мелютина, Теребихин* 2013). В обобщающей статье, подготовленной в рамках научного проекта “Праздничная культура народов Карелии и сопредельных территорий (подготовка энциклопедии)”, выполнявшегося под руководством И.Ю. Винокуровой в 2009—2011 гг., автор предложила общую схему классификации традиционных праздников Олонецкой губернии, наметив общие и особенные черты в сложившихся праздничных системах коренных этносов (*Винокурова* 2010).

Таким образом, ученые внесли значимый вклад в осмысление феномена церковного праздника и его роли в доиндустриальную эпоху на Русском Севере. Опираясь на материалы второй половины XIX — начала XX в., этнологи предложили схему классификации традиционных народных праздников, реконструировали поведение молодежи и других половозрастных групп в дни престольных праздников, выявили и описали традиции и обычаи, складывавшиеся в дни общецерковных, престольных и обетных праздников у карел, вепсов и русских. История церковного праздника XVII—XVIII вв. изучена в самых общих чертах, главным образом с опорой на документы, относящиеся к приходам Вологодской и Архангельской епархий. Тем не менее уже проведено фундаментальное исследование церковно-приходской системы Олонецкого края и спектра алтарных посвящений в конце XV — начале XVIII в., результаты которого в ближайшем будущем лягут в основу всестороннего изучения круга престольных праздников народов Карелии.

Цель и задачи исследования, источники, хронологические рамки

Цель статьи — реконструировать элементы традиционного церковного праздника и определить его роль в жизни локальных крестьянских общин Олонецкого края в раннее Новое время. Перед историком встает круг проблем, хорошо изученных по материалам XIX—XX вв. В их числе — о применимости к реалиям

XVII в. предложенной этнологами схемы классификации праздников, об ареалах праздничных связей и составе участников праздника, о традициях и обычаях, приуроченных к празднику, о существовании “пиров” и “братчин”, специфике народных гуляний. Рассмотреть все вопросы (и дать на них исчерпывающие ответы) вряд ли представляется возможным в рамках небольшой по объему статьи, потому что многие из них остаются до сих пор не изученными из-за отсутствия в распоряжении ученых необходимого комплекса письменных источников. Однако в минувшие два десятилетия ситуация коренным образом изменилась.

На протяжении двадцати лет коллектив Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии (далее – ИЛЛМИК), открытой в 2004 г. доц. И.А. Черняковой на базе исторического факультета Петрозаводского государственного университета (с 2013 г. – Института истории, политических и социальных наук), в рамках реализации международного научно-исследовательского проекта TERP (*Teaching-Editing-Research-Project*) ведет работу по подготовке к электронной полнотекстовой публикации и размещению в медиатеке *Acta Incognita* в открытом доступе в сети Интернет документов канцелярии олонецких воевод (ВНА ИЛЛМИК) – фонда “Олонецкая воеводская изба”. Фонд хранится в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН и содержит в 20 картонных коробках (картонах) около 12,5 тыс. столбцов скорописных документов – актов приказного делопроизводства, созданных в период с 1648 по 1702 г. В их числе – челобитные, наказные памяти олонецких воевод, отписки земских старост, допросные речи, сказки и многие другие. Создававшиеся “в ситуациях решения сиюминутных задач”, когда авторы “менее всего... заботились о том, чтобы обозначить на века исторические реалии, в которых они жили”, олонецкие акты, подчеркнула И.А. Чернякова, содержат бесценные крупницы “искомой потенциальной информации”, позволяющей воссоздать разнообразные стороны жизни крестьянского сообщества (Чернякова, Черняков 2011: 196).

В фонде выявлено 32 дела, посвященных судопроизводству по искам об избиении, ограблении, краже имущества, поджоге хозяйственных построек, убийстве в завязавшейся “хмельным обычаем” драке, о составлении подложных актов, а также по искам, связанным с другими преступлениями, случившимися в праздничное время, и поэтому содержащим сведения о тех или иных элементах праздничной культуры. С целью осмысления конкретных житейских ситуаций и создания более емкой картины описываемых событий уточняющие сведения – об участниках торжеств, времени возведения церквей и часовен, алтарных посвящениях – выявлены с опорой на весь доступный в ИЛЛМИК комплекс документов фонда, переписные книги Заонежских и Лопских погостов 1646 г. (И. Писемский), 1678 г. (И. Аничков) и 1707 г. (А. Апрелев, М. Мордвинов). Одна из первостепенных задач исследования заключалась в том, чтобы оценить информационный потенциал олонецких актов для изучения истории праздника.

В фокусе внимания – сравнительно небольшой, но ключевой для истории традиционной народной культуры период: конец 1640-х – начало 1680-х годов. В частности, из 32 дел по 9 были разобраны в конце 1640-х – 1650-е и 1660-е годы, 12 – в 1670-е годы, 5 – в начале 1680-х годов. В указанные десятилетия шло начавшееся на рубеже XVI–XVII вв. формирование системы великих двенадесятих праздников (в терминологии эпохи – “Господских”, “Господских и Владычных”) как последовательного воспоминания “важнейших событий домостроительства Божия” (Лукашевич 2007). Изучая городскую праздничную культуру Беларуси

и центральных регионов России, А.С. Котлярчук заключил, что именно в царствование Алексея Михайловича Романова (1645–1676) началось становление системы гражданских праздников, в состав которых были включены «некоторые “двунадесятые” праздники», “церковно-гражданские церемонии”, а также “грандиозные официальные торжества в честь важнейших событий в жизни города и страны” (Котлярчук 2001: 38, 125, 218). С началом реализации патриархом Никоном в 1653 г. церковной реформы принял более интенсивный характер развивавшийся с конца XVI в. процесс унификации праздничной народной культуры. При поддержке государства Церковь ужесточила борьбу со смеховой культурой как проявлением язычества, начала осуществлять пристальный контроль за духовной жизнью мирян, подвергла регламентации их поведение в дни церковных праздников и постов, усилила вмешательство в семейный и общественный уклад жизни (Котлярчук 2001: 38; Чернякова 1998: 234). В расположенном на периферии Олонецком уезде власти приступили к реализации мер, проводившихся в других регионах с 1650-х годов, несколько позднее — с конца 1670-х и в 1680-е годы, о чем свидетельствуют относящиеся к этому времени соответствующие распоряжения церковных и гражданских властей, а также феномен массового сопротивления нововведениям крестьян, увидевших в политике Церкви угрозу для своей традиционной культуры и быта (Чернякова 1998: 234, 236). Приводимые учеными факты указывают на то, что с конца 1640-х годов праздничная культура Олонецкого края уже подвергалась деформации, однако до 1680-х годов продолжала сохранять восходящие к Средневековой архаичные пласты.

Олонецкий уезд как административно-территориальная единица в составе Российского государства был образован в 1649 г. и объединил семнадцать Заонежских и семь Лопских погостов (Чернякова 1998: 166, 176). По Столбовскому миру 1617 г. Корельский уезд был отторгнут у России Швецией, и граница приблизилась непосредственно к Заонежским погостам. Приграничное положение уезда, его особая роль в геополитических планах государства, подчеркивает И.А. Чернякова, отразились на всех сторонах жизни локального сообщества (Там же: 35, 166). Другая своеобразная черта северо-западной окраины России состояла в полиэтническом составе ее населения. Этническую картину края в рассматриваемую эпоху восстановить крайне сложно во многом потому, что вплоть до середины XIX в., как подчеркнула И.А. Чернякова, государство индифферентно относилось к этническому происхождению обывателей и, рассматривая всех в качестве подданных императора, фиксировало в документах сведения об их платежеспособности (Чернякова 2021: 122). Опираясь на комплексный анализ данных лингвистики, археологии и истории, ученым тем не менее удалось выявить примерные ареалы проживания коренных этносов в широкой хронологической перспективе (XIV–XVIII вв.) с привязкой к элементам природного ландшафта и в отдельных случаях — к группам поселений.

Исходя из идеи о тесной взаимосвязи между становлением этносов и развитием административно-территориальной и церковно-приходской систем края, А.Ю. Жуков соотнес осваивавшиеся вепсами, карелами и русскими территории, локализованные лингвистами, с конкретными погостами и волостями Олонецкого уезда (Жуков 2003: 58). В частности, исследователь утверждает, что “большая часть вепсов” в XV–XVII вв. “проживала в Оштинском, Остречинском, Важенском, Веницком и Пиркинском погостах” (Жуков 2019б: 295). По мнению автора, с XVII в. началось формирование “трех основных этнических общностей карелов”

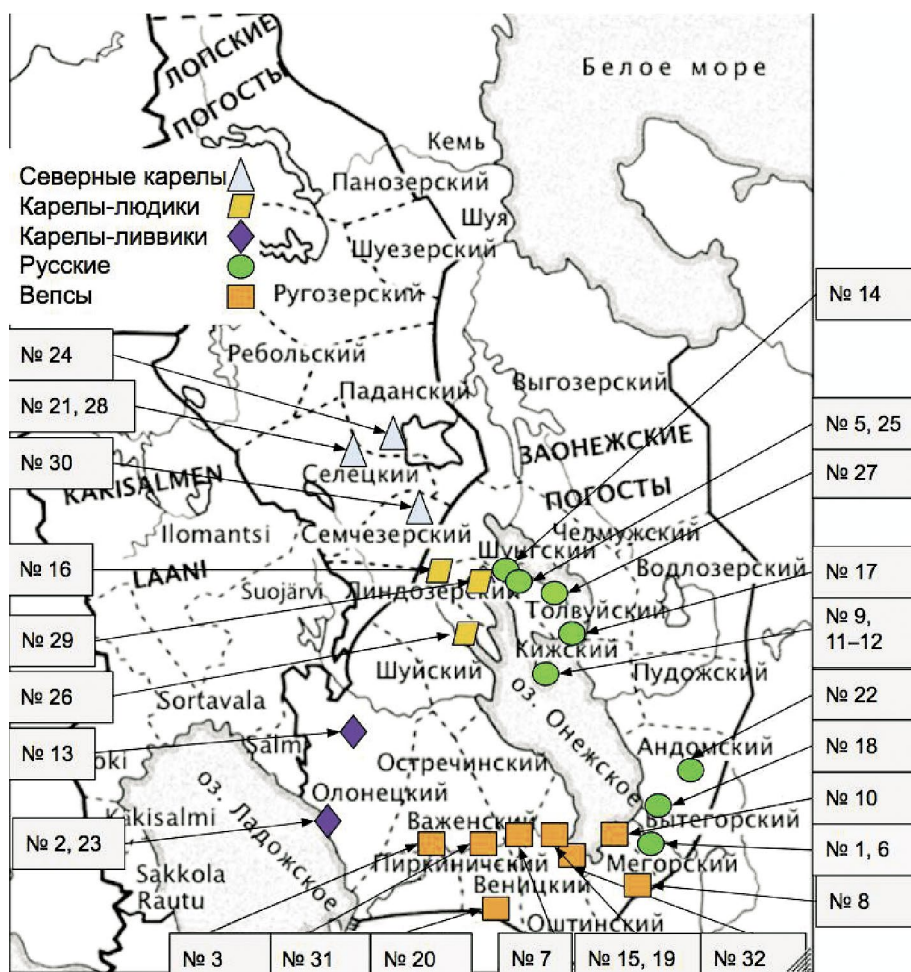
(Жуков 2019а: 33). Группа северных карел осваивала, указывает А.Ю. Жуков, земли Ребольского погоста, вошедшего в состав Корельского уезда и после 1617 г. включенного в состав Кольского уезда Российского государства, а также семи Лопских погостов — Линдозерского, Семчезерского, Селецкого, Паданского, Ругозерского, Панозерского и Шуезерского (Там же: 31). Складывание этнической группы карел-людигов, с точки зрения автора, происходило в пределах Шуйского, Кижского (Кондопога, Лычный остров, Чеболакша, Мелой Губа, Лижма), Толвуйского (Кузаранда, Тубозеро) и Важенского (Святозеро, север Присвирья) погостов, карел-ливвиков — в границах Олонецкого погоста (Жуков 2019а: 35; Жуков 2010а: 89).

В предложенной А.Ю. Жуковым концепции прослеживается стремление четче обрисовать ареалы проживания коренных этносов в XV–XVII вв., что таит опасность модернизации исторического процесса. Подчеркивая факт более активного, нежели ранее, взаимодействия коренных этносов друг с другом в ареалах их проживания в XV–XVIII вв., ученые все же не могут выйти из области гипотез и достаточно определенно судить об этническом составе отдельных приходов (= волостей), интенсивности межэтнических контактов на их территории. Тем не менее предложенная А.Ю. Жуковым схема распределения коренных этносов по погостам и волостям может быть, хотя с крайней осторожностью, учтена для выявления этнического окраса церковных праздников. В частности, если следовать схеме исследователя, из 32 дел большинство — 14 (44%) — относятся к ареалу проживания русских, 9 (28%) — связаны с территорией, которую осваивали вепсы, 5 (16%) — зафиксированы для ареалов формирования карел-людигов и карел-ливвиков, 4 (12%) — группы северных карел (Рис. 1).

К вопросу о классификации народных праздников Олонецкого уезда

Взяв за основу временной критерий, И.Ю. Винокурова разделила календарные народные праздники на древнейшие, связанные “с сезонными изменениями в природе... и с важнейшими рубежами в хозяйственной деятельности людей”, церковные и “гражданского происхождения”, которые, сливаясь, порой образовывали “неразделимый сплав” (Винокурова 2010: 14). Учитывая особенности поселенческой системы губернии конца XIX — начала XX в., исследователь разделила праздники по масштабу на охватывавшие весь ареал проживания этноса (“общие”), одно поселение — административный и религиозный центр с прилегавшей к нему группой деревень (погост = волость = приход), одну деревню, состоявшую из нескольких дворов, и одну семью (Там же: 13–14). К “общим” праздникам автор отнесла гражданские (Новый год, ежегодные праздники в честь особ императорского дома) и общецерковные (воскресенье, Пасха, “великие” — двенадцатые и пять не двенадцатых за исключением праздника Рождества Иоанна Предтечи, “средние” в честь некоторых святых); к праздникам одного погоста (= волость = приход) — храмовые (престольные) и заветные, учреждаемые “местными жителями по обету”, в том числе с жертвоприношением животных; к праздникам деревни — часовенные и заветные (Там же: 15–31).

Предложенная автором схема, безусловно, нуждается в корректировке для систематизации народных праздников Олонецкого уезда XVII в. Следует учесть, что несмотря на повсеместное для Европейского Севера совпадение поземельной общины с волостью и приходом, сохранявшееся до реформы государственной волости 1797 г. и 1837–1841 гг., поселенческая структура Олонецкого уезда в эпоху

Рис. 1. Распределение житейских казусов по погостам Олонецкого уезда с учетом ареалов формирования этнолокальных групп коренных этносов Карелии (Составлено автором на основе карты, опубликованной в издании: Чернякова 1998: 37)

раннего Нового времени отличалась большей архаичностью (Богословский 1912: 46; Камкин 2000: 32). Прослеживаемое по писцовым и переписным книгам конца XV – начала XVIII в. дробление старинных погостов вело, как и повсеместно на Русском Севере, к складыванию на их периферии “волосток” (именуемых писцами также “выставками” и “приходами”), включавших группы деревень и с возведением собственного храма или часовни образовывавших “выставочные” или “часовенные” приходы (Витов 1962: 181, 183). Однако в Олонецком крае лишь три “волостки” – Сямозерская, Святозерская и Шимозерская, находившиеся первоначально в составе Олонецкого, Важенского и Оштинского погостов соответственно, – к концу 1610-х годов добились самостоятельного статуса (Жуков 2015: 72). Остальные “волостки” (фиксируемые в актах и как “волости”) приобрели лишь “известную автономию” (Витов 1962: 181, 183). В XVII – начале XVIII в. в уезде все еще не было достигнуто полного соответствия между приходом, поземельной

общиной и волостью. Сохранялась иерархичная двухуровневая система низшего светского и церковного управления. “Волостка” (“волость”) являлась частью погоста, в то время как приходы “выставочных” церквей находились в зависимости от прихода “становой” церкви (Витов 1962: 181; Папков 1898: 32–33). В связи с этим ареал праздничных связей требует уточнения посредством выявления статуса округа, где совершался праздник и откуда на него стекались крестьяне, не только в поселенческой системе, но и в церковно-приходской структуре.

Жители края, как выясняется по олонецким актам, были участниками церковных праздников разного уровня — общецерковных и локальных (часовенных и престольных) (Табл. 1). Какие-либо данные об обетных праздниках по имеющимся в нашем распоряжении источникам не установлены. В то же время акты фиксируют сведения о самых ранних гражданских праздниках, которые власти вводили в обиход. В частности, сохранилось несколько списков с богомольных памятей новгородских митрополитов в Заонежскую десятину о порядке отправления церковной службы и поведении мирян в дни молебствий, приуроченных к рождению царевича Феодора Алексеевича (1651 г.), бракосочетанию того же царевича с дочерью С.Ф. Грушецкого (1681 г.) и после ее смерти с дочерью М.В. Апраксина (1682 г.), в дни молитвы об одолении засевших в Астрахани “изменников” Федки Шелудяки с товарищами (1672 г.), во время нашествия “турскова салтана” и крымского хана “с татары... на малороссийские города” (1679 г.), (Барсов 1871: 108, 110; ОВИ: К. 6. Д. 96; ОВИ: К. 9. Д. 17). Остановимся на комплексной характеристике типов церковных праздников с целью выявления специфических черт и более подробной классификации, соответствующей реалиям раннего Нового времени.

Таблица 1

Церковные праздники в приходах Олонецкого уезда (конец 1640 — начало 1680-х годов)

№ п/п	Год	Наименование праздника, дата по ст. ст.	Место празднования	Тип праздника			Шифр дела
				О ¹	Х ²	Ч ³	
1	1647	Покров Богородицы, 1.10	Вытегра, пог.				К. 1. Д. 66а. Л. 1–2
2	1649	Николай Чудотворец, 6.12	Тулокса, вол.				К. 1. Д. 66б. Л. 3–4
3		Усекновение Главы Иоанна Предтечи, 29.08	Кукозяги, вол.				К. 1. Д. 80. Л. 32–33
4	1651	Благовещение Богородицы, 25.03	Палеостров, мон.				К. 2. Д. 48. Л. 4–7
5			Фоймогуба, вол.				
6	1657	Сборное воскресенье, 1-е в Великом посту	Вытегра, пог.				К. 2. Д. 92. Л. 35–36
7	1658	Освящение церкви вмч. Георгия в Киеве, 26.11	Юковичи, вол.				К. 2. Д. 92. Л. 19
8		Крещение Господне, 6.01	Ундозеро, вол.				К. 2. Д. 83. Л. 37
9	1661	Рождество Иоанна Предтечи, 24.06	Кижы, пог.				К. 4. Д. 63. Л. 3
10	1663	Перенесение мощей Свт. Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бар, 9.05	Кондуши, вол.				К. 6. Д. 12е. Л. 10

Таблица 1 (окончание)

№ п/п	Год	Наименование праздника, дата по ст. ст.	Место празднования	Тип праздника			Шифр дела
				О ¹	Х ²	Ч ³	
11	1664	Рождество Иоанна Предтечи, 24.06	Кизи, пог.				К. 5. Д. 78. Л. 1–2
12		Рождество Богородицы, 8.09					
13		Вмч. Георгий Победоносец, 23.04	Ведлозеро, вол.				К. 5. Д. 126. Л. 1
14		Рождество Иоанна Предтечи, 24.06	Шуньга, пог.				К. 5. Д. 136. Л. 1–2
15	1666	Перенесение мощей свт. Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бар, 9.05	Рокса, местность				К. 6. Д. 39р. Л. 1
16	1667	Ап. Петр и Павел, 29.06	Лычный о-в, вол.				К. 6. Д. 5. Л. 26
17	1672	Илья Пророк, 20.07	Типиницы, вол.				К. 10. Д. 57. Л. 1
18	1674	Вмч. Георгий Победоносец, 23.04	Кленова, дер.				К. 6. Д. 120. Л. 1–2
19		Ап. Петр и Павел, 29.06	Кузра, местность				К. 7. Д. 79. Л. 1–2
20	1675	Илья Пророк, 20.07	Веницы, пог.				К. 7. Д. 73. Л. 1–4
21		Преображение Господне, 6.08	Сельга, пог.				К. 7. Д. 110. Л. 1–5
22	1676	Радоница	Ильинская, дер.				К. 8. Д. 2
23		Николай Чудотворец, 6.12	Тулокса, вол.				К. 8. Д. 16ц. Л. 2об
24		Преображение Господне, 6.08	Паданы, пог.				К. 10. Д. 197. Л. 1
25		Ап. Варфоломея, 11.06	Фоймогуба, вол.				К. 8. Д. 73а. Л. 1–3
26	1678	Вмч. Георгий Победоносец, 23.04	Лехнаволок, дер.				К. 9. Д. 54. Л. 1
27	1680	Пасха	Кузаранда, вол.				К. 9. Д. 128. Л. 1
28		Преображение Господне, 6.08	Сельга, пог.				К. 10. Д. 34. Л. 1
29			Мелой губа, вол.				К. 10. Д. 96. Л. 1
30		Успение Богородицы, 15.08	Святнаволок, вол.				К. 10. Д. 223. Л. 1
31		Преображение Господне, 6.08	Пидемская, вол.				К. 10. Д. 255. Л. 1–2
32		Вмч. Георгий Победоносец, 23.04	Ошта, пог.				К. 10. Д. 299. Л. 1–2

¹ общецерковные; ² храмовые; ³ часовенные

Общецерковные праздники

Значимая доля упоминаний о том, что в конце 1640-х — начале 1680-х годов жители Олонецкого уезда приходили в общецерковные праздники к храму (13 из 32, 41%), свидетельствует об успешности предпринятых государством и Церковью мер, направленных на то, чтобы заложить в народном сознании идею особой значимости этих дней. На общегосударственном уровне Соборное Уложение 1649 г. предписало по воскресеньям, “в день Рождества Христова, в день Святого Богоявления и в иные Господские праздники, Сырная неделя, первая неделя Великого поста, Страстная неделя, семь дней по Пасце” и в “праздник рождения государя” всем “христианом от всякия работы и от торговли престать и ряды затворить” (СУ 1987: 33–34). Сохранилась присланная 11 сентября 1663 г. поповскому старосте Ивану Кириллову на Оштинский стан память с повелением рассылать во все монастыри, соборные и ружные приходские церкви его “старошенья” царский указ за приписью дьяка И. Калитина с повелением “збегаться в соборные церкви... и всенощные бдения совершать, и божественныя литургии служить, и молебствовать, в которые Господские праздники и в Богородичные, и нарочитых святых, и на их государские именины”, как “наперед сего собиралисе” (ОВИ: К. 4. Д. 70. Л. 1).

Большая осведомленность населения о церковных праздниках стала следствием активного расширения в середине — третьей четверти XVII в. церковно-приходской системы. Так, в Заонежских погостах в середине 1640-х годов стояло 104 храма, еще 26 были воздвигнуты к концу 1670-х годов; количество приходов “выставочных” церквей за тот же период увеличилось с 68 до 83. В семи Лопских погостах к концу 1670-х годов храмы стояли не только на всех погостах. В конце 1650-х — начале 1660-х годов складываются пять приходов выставочных церквей (Сулова 2021: 276–277). Опираясь на поддержку священников и крестьянских элит, Церковь получила возможность более пристального контроля за духовной жизнью локального сообщества, в то время как сам храм стал доступным многим мирянам.

Общецерковные праздники отмечались повсеместно, однако на них съезжались миряне одного прихода. В частности, в 1664 г. в день Рождества Иоанна Предтечи в Шуньгу пришли крестьяне двух третей погоста — Нутренской и Верхошунгской (ОВИ: К. 5. Д. 136. Л. 1). Популярность праздника была обусловлена не только его ролью в народном календаре, но также коллективной памятью общины о существовавшем до середины 1640-х годов “вверху на полатах” придельном престоле в честь Рождества Иоанна Предтечи в восстановленной на месте сожженной в 1613/14 г. церкви Николая Чудотворца (Чернякова 1988: 64; Соколова 1979: 228). На праздник Преображения Господня в 1676 г. в карельский Паданский приход к “становой” церкви Богоявления Господня пришли жители из Сяргозерской и Сондальской волостей (ОВИ: К. 10. Д. 197. Л. 1). Весной 1680 г. в день вмч. Георгия Победоносца к церквам Вознесения Господня и Благовещения Богородицы на Ошту съехалось немало крестьян из окрестных, можно полагать, по этническому составу вепских поселений. Об этом позволяет судить упоминание оштянина Сенки Захарьева о том, что вместе “с товарищем” Фочкой Ивановым он распродал “о празники вино” и передал Фочке на хранение “казенных денех... три рубли с полтиной” (ОВИ: К. 10. Д. 299. Л. 1). Если учесть, что в 1677/78 г. цена ведра вина в Вытегре стоила 14–15 алтын, то в день праздника могло быть продано восемь ведер вина по 12 литров каждое (ОВИ: К. 9. Д. 55. Л. 3; Шостын 1975: 73, 258).

Общецерковный праздник начинался со службы в храме — всенощного бдения или литургии, о чем упоминают в своих челобитных жители Олонецкого уезда. Со слов солдата Кижского конца Кижского погоста Игнашки Симанова, который был допрошен по делу об уплате долга Ондрею Андрееву по прозвищу Запас, 24 июня 1664 г. в праздник Рождества Иоанна Предтечи на погосте в Кижях миряне “ходили со кресты около храму” (ОВИ: К. 4. Д. 63. Л. 3). Совершение крестного хода традиционно приурочено к Пасхе или престольному празднику, однако на погосте стояли церкви с посвящениями в честь Преображения Господня и Покрова Богородицы (Чернякова, Черняков 1988: 61–63; Бернштам 2007: 268). Остается предположить, что местная община испрашивала особого покровительства у чтимого святого в год, в который письменные источники повсеместно, в том числе на Русском Севере, зафиксировали аномалию — сильную засуху и неурожаи (Борисенков, Пасецкий 2002: 370).

Значимым элементом общецерковного праздника в ареалах формирования локальных групп русских (Шуньга), карел-ливвиков (Туломозеро) и карел-людигов (Шуя) являлась традиция угощения хмельными напитками. В конце 1640-х годов, как становится известно из челобитных крестьян, угоститься “питьем” можно было не только купив его у помощников кабацких голов, разъезжавших с напитками “по праздником и по ярманкам” (ОВИ: К. 2. Д. 48. Л. 4–7). Пашенные солдаты Шуйского погоста и сержанты Туломозерской волости Олонецкого погоста указывали, что по обыкновению варили пиво и курили вино в небольших количествах “на Господьские и Владычни, и наших храмов на стоящие праздники, и на заговена, и на поминку... про свой обиход, а не на продажу” (ОВИ: К. 1. Д. 67о. Л. 32; ОВИ: К. 1. Д. 67р. Л. 35). Однако установленный порядок был нарушен сменившими в 1650 г. кабацких голов откупщиками. Сержанты Туломозерской волости жаловались воеводам В.А. Чоглокову и С.П. Елагину на то, что после появления в Туломозере кабака “многие-де... пропились донага и валяютце на кабаке наги”, в то время как помощники откупщиков — “чюмаки” — берут с тех, кто покупает “промеж собою ръжи по пол-четверику и по четверику”, пошлину “да явки... с пива... с четверти по алтыну” (ОВИ: К. 1. Д. 67р. Л. 36). Стали испрашивать разрешения варить пиво и курить вино “про свой обиход” и крестьяне Шуйского погоста (ОВИ: К. 1. Д. 67о. Л. 32).

Разрешая конфликт, олонецкие воеводы установили круг церковных и семейных праздников, накануне которых челобитчики могли “про свой обиход” курить вино (“к Велику дни, к Рожеству Христову и к Масленицы”) и варить пиво (“к Покрову Святей Богородицы, к Дмитриевской суботе, к Николину дни, к Рожеству Христову, к Велику дни, и к Масленице, и ко крестинам, и к родинам”). Строго были определены объемы приготовления напитков: пива — “человеку по четверти” (1/4 ведра, 3 литра), а “лутчим людям по две чети” (1/2 ведра, 6 литров); вина — “лутчим людям по четверти”, “иным по осмине” (1/8 ведра, 1,5 литра) (Шостьин 1975: 73, 258). При этом воеводы ограничили сроки потребления сваренных напитков: “о празнике по два дни”; остатки повелевалось “до иных праздников запечатывать... старостам” (ОВИ: К. 1. Д. 67о. Л. 33; ОВИ: К. 1. Д. 67р. Л. 37). Зафиксировав размер явочных пошлин, которые должны были уплачивать крестьяне (“с четверти по алтыну, а меньше будет четверти, и те пошлинные [деньги] иматъ по росчету”), воеводы возложили их взимание во избежание злоупотреблений на старост (ОВИ: К. 1. Д. 67о. Л. 32об). Пиво являлось в указанном ареале поминальным напитком, хотя, согласно наблюдениям

этнологов, не являлось таковым в более позднюю эпоху для групп северных вепсов, сегозерских карел, русских Заонежья (*Винокурова* 1994: 68).

Составить представление о том, как потреблялось пиво, сваренное “про свой обиход”, в дни общецерковных праздников в ареале проживания русских Юго-Восточного Обонежья позволяют материалы судебного разбирательства об убийстве “хмельным обычаем” жителя деревни Ильинской Андомского погоста Андрюшки Остафьева. Произошедшее 4 апреля 1676 г. “после Фомина воскресенья во вторник” убийство случилось на Радуницу — признанный с древнейших времен Церковью день особого поминовения усопших, приходящийся на вторник Фоминой недели, следующей за Светлой Пасхальной седмицей (*Агапкина* 2002: 285). Поминовение могло начаться с заупокойной литии у часовни, о существовании которой близ куста деревень “на Куржексе”, где стояла деревня Ильинская, указывает ее упоминание в переписных книгах 1646 и 1678 гг. в названии деревни “на Куржексе Трофимка Иванова у часовни” (РГАДА 1: Л. 391; РГАДА 3: Л. 208).

Допрошенные крестьяне свидетельствовали, что в тот день в деревне Ильинской по избам состоялись пивные братчины. На них присутствовали родственники, в том числе прибывшие из соседних деревень — Фешевской, Анцыфоровой и Коншилы. Жительница деревни Фешевской Марфица Трофимова дочь, приехавшая в гости к Овдотьице, жене Аврамки Офонасьева, сообщила, что “того-де дни люди все были пьяны в деревни, потому что пива были во всех дворах” (ОВИ: К. 8. Д. 2. Л. 49). Аврамка Афонасьев уточнил, что “убитой Андрюшка и товарищи ево... пили в братчине у Васки Кузмина”, а его отец — Афонка Андреев — находился за своей избой “на улицы... з гостем с Филипом с Трофимовым деревни Анцыфоровы с Шайжиным пасынком”, так как “было свое в дому их питье, пиво” (ОВИ: К. 8. Д. 2. Л. 11, 13). Васка Кузмин собрал на “братчину” своих родственников и соседей. Присутствовавший у него в гостях Андрюшка Остафьев приходился ему тестем (ОВИ: К. 8. Д. 2. Л. 11; РГАДА 3: Л. 209). Здесь же в избе находилась его теща — Федорица Аврамова дочь, которая, согласно свидетельству Аврамки Офонасьева, пытаясь остановить мужа, “в сенях Никонковых стояла... и ево Андрюшку ухватила и говорила ему, что быть худу” (ОВИ: К. 8. Д. 2. Л. 11). В “братчину” были приглашены двоюродный брат Андрюшки Остафьева — Гришка Манылов — и Васка Ильин, приходившийся Васке Кузмину двоюродным братом, а также наймит “посадцкого человека Микиты Григорьева” Паршук Баженов (ОВИ: К. 8. Д. 2. Л. 10; РГАДА 1: Л. 391об). Когда Овдотьица, жена Аврамки Офонасьева, “вышла на улицу теленка загонять” на ночь домой, поминальные трапезы все еще продолжались, и многие гости стали свидетелями драки (ОВИ: К. 8. Д. 2. Л. 8). Вполне вероятно, что в Шуйском и Олонецком погостах, так же как и в Юго-Восточном Обонежье, варившееся “про свой обиход” пиво предназначалось для родовых пиров, которые были приурочены к общецерковным, престольным праздникам, семейным праздникам и дням памяти усопших.

Часовенные и престольные праздники

В 19 из 32 житейских казусов выявлены сведения о престольных (16) и часовенных (3) праздниках. В 11 случаях указанные праздники совпали с “великими” — двенадесатыми и не двенадесатыми, в остальных — с праздниками, причисляемыми Церковью к числу “средних” (Табл. 1). На часовенные праздники съезжались крестьяне из близлежащих к часовне поселений. Традиция прослеживается во второй

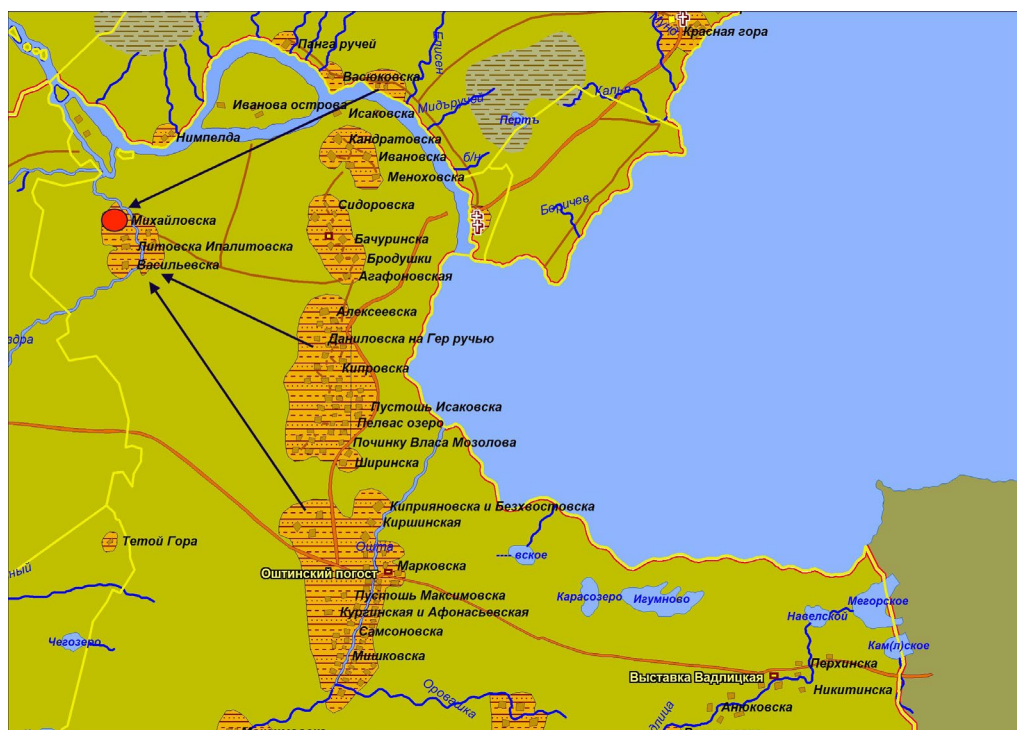
половине XVII в. исключительно в приходах Заонежских погостов. Так, в 1673/74 г. в Кузренскую “волость” Оштинского погоста, где проживало вепское население, съехались “на праздник на Петров день и Павлов” крестьяне из окрестных припогостских поселений. В Кузренской “волости” в середине 1640-х — конце 1670-х гг. стояла своя часовня, упоминание о которой содержится в наименовании деревни “на речке у часовни Михайловская” в переписных книгах 1646 и 1678 гг. (РГАДА 1: Л. 493об; РГАДА 3: Л. 76). Под термином “волость” челобитчик — бобыль Оштинского погоста Ларка Сидоров — имел в виду не частично выделившийся из погоста периферийный округ, а группу постепенно сраставшихся в единое поселение однодворных деревень (Витов 1962: 160, 164; Чернякова 1998: 93). Сам Ларка Сидоров приехал на праздник из “Княжборской волости”, здесь же присутствовали из “кузренских” крестьян — Ксенифонтка Пиминов “з детми” и Агейка Федоров, а также Терешка Родионов Левин “Вожеруский” и Ивашка Богданов Трегуб “оштянин” (ОВИ: К. 7. Д. 79. Л. 1). Локализация “волосток” — кустов деревень — на карте ярко свидетельствует, что часовенный праздник объединил крестьян нескольких кустов поселений припогостского округа (Рис. 2).

Схожую картину наблюдаем в 1678 г. на празднике в деревне Лехнаволок Шуйского погоста, территория которого идентифицируется с ареалом формирования группы карел-людигов. Сюда, “на сам на Гегорьев день”, съехались крестьяне из поселений припогостского округа. Часовня стояла близ деревни “на Лехто наволоке на Логъмо озере у часовни” уже в середине 1640-х годов (РГАДА 1: Л. 98об). Челобитчик Ивашко Кирилов Драничников сообщал, что прибыл из деревни Тимонинской. Алешка Спиридонов — из деревни “Кошкин наволок Пукарева Сенкино, а Куняковская против устья малые реки тож”, Видулка Тимофеев с братом Степашкой — из деревни “Бесовец на Шуе реке Ивана Корелянина” (РГАДА 2: Л. 150—151об; ОВИ: К. 9. Д. 54. Л. 1).

Ареал престольных праздников приходов “выставочных” церквей выглядит как существенно более широкий. В Лопских погостах среди карельского населения такие праздники выходили за рамки узколокальных, объединяя жителей на межпогостском уровне. В частности, на престольном празднике Успения Богородицы, отмечавшемся в 1680 г. в Святнаволоцкой волостке Семчезерского погоста, согласно свидетельству линдозерца Гаврилки Иванова сына Попова, присутствовали жители собственно Святнаволока — Моисей Микулин и Калина Иванов, проживавшие на Семчезерском погосте Кирилка Иванов Попов, Костя Иванов, Гурий Скоритин, Киприян и Евсей Ивановы Корытины, Кондратий Лукин Олшов, чей двор стоял “в Ужном конце на Семчоозере”, а также Щерба Иванов из Торошозерской “волости”, Терентий Васильев, Максим Титов, Ермола Осипов “з братом с меньшим и с товарищи” из Юштозерской “волости” (РГАДА 4: Л. 72—74, 86об) (Рис. 3).

На одном из престольных праздников ап. Петра и Павла в Лычноостровской волостке Кижского погоста, в зоне межэтнических контактов карелов и вепсов, присутствовали, согласно свидетельству церковного дьячка Лижемского прихода того же погоста Сенки Фалелеева, житель Лопских погостов Ильюшка Лукин и священник Мелогубской волости Кижского погоста Еремей Корнилов (ОВИ: К. 6. Д. 5. Л. 26).

В ареале проживания вепского населения престольные праздники приходов “выставочных” церквей также выходили за рамки отдельно взятого погоста. Так, в 1649 г. “на празднике Иванны Предотечи” в Кукоряжской волости Важенского

Рис. 2. Часовенный праздник в Кузренской “волости” Оштинского погоста в 1673/74 г.: ареал праздничных связей (источник: ГИС 2011)

погоста находился Андрюшка Созонов, прибывший из Шимозерской волости Оштинского погоста (ОВИ: К. 1. Д. 80с. Л. 33). Приезд издалека мог быть приурочен к значимому событию – освящению вновь возведенной в Кукозягах церкви, которую за два года до описываемого события писец И. Писемский еще не фиксирует, но уже упоминает о часовне в названии деревни “Большое Ховорныно, у часовни тож” (РГАДА 1: Л. 356; РГАДА 5: Л. 139).

Гораздо больше свидетельств, фиксирующих на территории проживания вепсов более компактные ареалы праздничных связей в дни престолов “выставочных” приходов. Они не выходят за пределы погоста, но в то же время объединяют жителей разных его приходов — “выставочных” и “станового”. Находим, например, известие о том, что бывший староста Остречинского погоста Ивашко Федоров Улитин в 1657 г. прибыл с товарищами “в Филипов пост канун Георгиева дни” на престольный праздник в Юковскую волость того же погоста (ОВИ: К. 2. Д. 92. Л. 13). В 1658 г. на Крещение Господне в Ундозерскую волостку Мегорского погоста “ходил к празднику молитца” солдат того же погоста Панкратка Евстафьев (ОВИ: К. 2. Д. 83. Л. 37). Старинная церковь Рождества Пресвятой Богородицы, фиксируемая в Ундозере в переписной книге 1646 г., к 1658 г., вероятно, была перестроена. Свой приезд Панкратка, видимо, приурочил к торжеству ее освящения в честь Богоявления Господня (РГАДА 3: Л. 138). В 1663 г. в “вешней Николин день” в Кондушской волостке Мегорского погоста, где в середине 1640-х годов стояла единственная церковь Николая Чудотворца и к 1678 г. была воздвигнута

В Олонецком уезде роль престольных праздников оказывалась крайне значимой. В одних случаях, объединяя разные по этническому происхождению группы мирян, они содействовали духовным и культурным межэтническим контактам и шедшему в XIV–XVIII вв. процессу формирования этнолокальных групп (напр., карел-людииков, карел-ливвиков). В других случаях — способствовали консолидации коренных этносов (карел и вепсов), поскольку оставались в рамках ареалов их проживания.

Вопрос о том, сопровождались ли престольные и часовенные праздники пивными общинными пирами, остается открытым. Составленный И.А. Черняковой по писцовым (1563, 1582/83, 1616–1619, 1628–1631 гг.) и переписным (1646, 1678 гг.) книгам Заонежских погостов свод сведений о 63 мирских и монастырских храмах, располагавшихся в Олонецком, Шуйском, Кижском, Шунгском, Выгозерском, Толвуйском и Челмужском погостах, позволяет сделать вывод о широком распространении после смуты междоусобицы трапезных, использовавшихся «для проведения “суемов” и “канунов”», хранения излишков “сваренного к какому-то событию алкогольного питья... в храме” (Чернякова 1998: 234). Так, если в начале 1580-х годов трапезные имели всего 4 церкви из 23 действовавших (17%), то в конце 1620-х годов — 23 из 45 (51%), (Чернякова, Черняков 1988: 57–67). О возможности организации пивных общинных пиров не только в указанных, но и в некоторых других Заонежских погостах свидетельствуют встретившиеся в фонде “Олонецкой воеводской избы” упоминания о медных ендовах — невысоких сосудах с открытым носиком для подачи к столу хмельных напитков. Одну из них хранил в своем доме священник Водлозерского погоста Иван Аристов, служивший в 1660-е годы, другую — винный подрядчик Кондушской волости Мегорского погоста Павелка Петров (ОВИ: К. 6. Д. 12е. Л. 10; ОВИ: К. 4. Д. 64. Л. 15).

Вопрос о составе участников престольных праздников

Особенностью престольных праздников у вепсов Прионежья и карелов Сегозерья в конце XIX — начале XX в. являлась, по мнению этнологов, “взаимная гостьба жителей соседних поселений”, приходившихся друг другу родственниками и принимавшихся в гости хозяевами “строго по родству” (Винокурова 1996: 39; Конкка 1980: 99). В подтверждение древнего происхождения традиции приходиться на праздники к близкой родне А.П. Конкка приводит утверждение финляндского историка Х. Киркинена о повсеместно распространенных в XVI в. среди карел родовых праздниках, на которые въезд незваных гостей не допускался (Конкка 1980: 99–100). Уточняя утверждение Х. Киркинена, А.П. Конкка уверен, что “на эти праздники был запрещен приход незваных гостей”, т.е. “не представляющих данный род” (Там же: 99). В свою очередь, У.С. Конкка заключила, что только “к XIX в. полноправными участниками праздников” у карел Сегозерья “помимо родственников стали их знакомые”, в то время как «в давние времена на родовые праздники не допускались “чужие”, не связанные родством с жителями данной деревни» (Конкка, Логинов 2001: 226). Обращаясь к анализу престольных праздников у вепсов, И.Ю. Винокурова также подчеркнула, что «храмовые праздники “впитали” от прежних празднеств прибалтийско-финских народов их древнюю организацию, основанную на родовом принципе» (Винокурова 1996: 39). Подчеркивая самобытность традиции у вепсов и карел Сегозерья, ученый отметила, что у русских традиция приема гостей по родству на храмовые праздники не сложилась (Там же: 46).

Утверждение о бытовании родовых праздников у карел Х. Киркинен сформулировал с опорой на три документа: Уставную Онежскую грамоту 1536 г., Жалованную грамоту Ивана Васильевича Коневацкому монастырю на Ладожском озере 1554 г. и Житие преп. Арсения Коневацкого середины XVI в. Х. Киркинен был уверен в том, что упоминаемые в документальных памятниках XVI в. “пиры”, либо “пиры и братчины”, на которые запрещался въезд незваных гостей, нередко были приурочены к поминанию умерших, и потому их можно считать разновидностью родовых праздников, сопоставимых с поминальными родовыми пирами, которые зафиксировал финский этнограф М. Хаавио в Приладожской Карелии в первой трети XX в. (*Kirkinen* 1970: 133, 289).

Выдвинутая этнологами концепция, будучи подкрепленной данными этнографии и лингвистики, выглядит обоснованной для реалий XIX — начала XX в., однако не может быть экстраполирована на XVI—XVII вв. М.С. Черкасова и Е.Н. Швейковская подчеркнули, что “пир” мог быть как общинным, так и семейным (или родовым), однако “незванными”, т.е. “чужаками” на них, согласно содержанию актов XIII—XVII вв., являлись вовсе не гости, не состоявшие в родстве с жителями поселения, где стояла церковь, но исключительно представители вотчинной и княжеской администрации (наместники, волостели, тиуны, дети боярские), а также крестьяне, проживавшие на землях других вотчинников (*Черкасова* 2011: 88—89; *Швейковская* 2012: 326). Предложенная историками интерпретация текстов грамот хорошо согласуется с данными олонекских актов.

В частности, можно полагать, что с праздника был прогнан как “незванный” всего лишь один челобитчик — житель чернососной деревни Тимонинской Шуйского уезда Ивашко Кирилов Драничников, приехавший на часовенный праздник в припогостскую деревню Лехнаволоок. К часовенному празднику, как указал в челобитной сам Ивашко Драничников, съехались исключительно крестьяне тех припогостских деревень, которые находились в вотчине Спасо-Хутынского монастыря. Вполне вероятно, что часовня могла быть возведена силами монастырских крестьян и считалась собственным центром социальной и духовной жизни. Воспринимая Ивашку как “незванного”, монастырские крестьяне “посли обеда нашли” на него “боем и били колями”, а один из них, Викула Тимофеев, даже “каменем лицо розшип до кости и два зуба выбил изо рта вон” (ОВИ: К. 9. Д. 54. Л. 1).

В остальных случаях, описание которых содержится в актах, гости подвергались избиению и ограблению во время праздника или уже находясь на ночлеге — по иным причинам. Так, в карельском приходе Святнаволоцкой выставки Семчезерского погоста в 1680 г. на церковного дьячка Линдозерского погоста Гаврилку Иванова сына Попова жители погоста во главе с Кирилом Ивановым сыном Поповым накиннулись “з дубьем и с камнем... и топтали топтунками, и за волосы драли” (ОВИ: К. 10. Д. 223. Л. 1). Недовольство, вылившееся в драку, было связано с тем, что линдозерец пытался совместить сразу два дела: и на празднике побывать, и взыскать с должников деньги по кабалам. Часть долга он уже истребовал, так как в его чересе, сорванном “на том же бою”, лежало восемь рублей с полтиной (Там же).

В отдельных случаях драка и грабеж являлись следствием углублявшейся среди крестьян имущественной дифференциации. Например, жители “Листегубской волости” Паданского погоста Ивашка Тарасев и Селецкого погоста Юшка Попов “на праздник на Спасов день” в Сельге в 1680 г. ограбили линдозерца Олешку Иванова, узнав о том, что в его кошеле денег на десять рублей (ОВИ: К. 10. Д. 34. Л. 1). Крестьянин Юковской волости Остречинского погоста

Степашка Семенов Лигачев глубокой ночью “нашел” на гостя Ивашку Улити-на “пьяной... бороду выдрал” и присвоил себе “мошню”, в которой находились деньги, кабалы и мирские выписи (ОВИ: К. 2. Д. 92. Л. 13).

Драки во время праздника выступали также формой выяснения отношений в многолетних внутрисемейных и межродовых тяжбах. Так, в 1672 г. в канун Ильина дня в Типиничкой волостке Кижского погоста встретились житель деревни Кузнецовской Петрушка Данилов и деревни Устьяндомской Кижского конца Алешка Прокопьев, за которого была выдана замуж сестра Петрушки — Наталья Иванова (ОВИ: К. 10. Д. 57. Л. 1). Между ними развязалась драка, так как Алешка не желал возвращать приданое после смерти жены, бил Петрушку “до великого увечья... да пограбил денег полтретья рубли да крест с ворота” (Там же). В 1672 г. на престольном празднике Преображения Господня в Мелогубской волостке Кижского погоста стали выяснять отношения в продолжавшемся более десяти лет конфликте о спорном имуществе Михалка Иванов сын Улитин с братьями и Терешка Микитин с братьями (ОВИ: К. 10. Д. 96. Л. 1). Как сообщил воеводе Б.И. Ордину-Нащокину Михалка Иванов, Терешка “з братьею потпоил вином Уницкой деревне крестьян... и велел... убить насмерть” челобитчика, вследствие чего он, “боячися себе смерти, и от них убежал” (ОВИ: К. 10. Д. 96. Л. 1).

Детальный анализ сведений о составе гостей на престольных праздниках позволяет заключить, что в праздничные дни к церкви съезжались представители всей общины — “мира”. В первую очередь, среди них довольно часто упоминаются представители крестьянской элиты — земские старосты и их помощники (ОВИ: К. 2. Д. 83. Л. 12, 28; ОВИ: К. 2. Д. 92. Л. 19; ОВИ: К. 5. Д. 124. Л. 48; ОВИ: К. 6. Д. 120. Л. 1; ОВИ: К. 8. Д. 73 г. Л. 2; ОВИ: К. 10. Д. 223). В представительном собрании полноправных членов общины в дни престольных и общецерковных праздников крестьяне решали разнообразные дела, касавшиеся всей общины и ее отдельных членов. Гостями торжеств выступали неимущие и не столь давно включенные в общину миряне. В числе таковых, например, “корельские выходцы” Фомка Андреев, осевший к 1675 г. в Каргиницах Веницкого погоста (1675 г.), т.е. территории расселения вепсов, и Ипатка Ильин, проживавший в 1664 г. в Ведлозерской волостке Олонецкого погоста, ареале формирования этнолокальной группы карел-ливвиков (ОВИ: К. 5. Д. 126. Л. 1; К. 7. Д. 73. Л. 1). Вероятно, до заключения Кардисского мирного договора 1661 г., когда действовало соглашение о свободе перехода жителей Кексгольмского лена из Швеции в Россию и Россия оказывала переселенцам помощь, они бежали в числе других соплеменников из Швеции и нашли прибежище в Олонецком уезде (Чернякова 1998: 246). Непременными гостями на престольных праздниках оказывались зажиточные крестьяне и жители олонецкого посада, приезжавшие из разных мест с товарами на открывавшиеся торжки и ярмарки. Так, привезли с собой в Вытегру к престолу в разные годы Томилка Ондреев “денег на пятьдесят рублей с полтиной”, житель олонецкого посада Матюшка Иванов сын Соболев — 15 рублей, а также “жемчугу на семь рублей с полтиной да три золотых, да семь печатных ефимьков” (ОВИ: К. 1. Д. 66а. Л. 1; ОВИ: К. 2. Д. 92. Л. 35). В 1675 г. “к празднику” житель олонецкого посада Обросимко Сидоров Серебряник установил в Сельге лавку для продажи “серебра делного и неделного, цепей колчатых и иного розного серебра на дватцать рублей” (ОВИ: К. 7. Д. 110. Л. 1). В тот же погост “на праздник на Спасов день” в 1680 г. житель Линдозерского погоста Олешка Иванов привез с собой в поясе десять рублей “для покупки товаров” (ОВИ: К. 10. Д. 34. Л. 1).

Престольный праздник привлекал всех без исключения мирян возможностью участия в народных гуляниях. Удалось зафиксировать, в частности, случай скоморошских представлений. Выясняя, почему оштянин Томила Ондреев в 1647 г. оказался на “другой день праздника... в деревни Спинове Концы”, мы обратились к данным переписной книги 1646 г. В деревне, отмеченной писцом И. Писемским под названием “на Тагажме словет Федоровская в конце на суходоле”, в одном из десяти дворов проживал Мишка Иванов сын по прозвищу Скоморох с сыновьями Ивашкой Большим и Ивашкой Меньшим (РГАДА 1: Л. 470об). Приписанный к крестьянской общине Мишка Скоморох мог посвящать себя ремеслу от случая к случаю, в том числе — не без согласия общины — в дни престольных праздников. Спустя чуть более тридцати лет писец И.А. Аничков уже не фиксирует в деревне ни Мишки Скомороха, ни его сыновей (РГАДА 3: Л. 159). Опираясь на корпус письменных источников XV–XVII вв., Е.П. Фрэнсис пришла к заключению о постепенном исчезновении к концу XVII в. упоминаний о скоморохах, которые под давлением обстоятельств были вынуждены менять место жительства и род деятельности (Фрэнсис 2007: 464). Любопытно, что архаичная традиция смеховой культуры, гонения на которую достигли апогея в Российском государстве в конце XVI — начале XVII в., продолжала существовать в XVII в. в шведско-карельском пограничье — среди карел, бежавших из Кексгольмского лена на земли Бежецкого Верха (Чернякова 1998: 246, 251). Об этом позволяет судить обнаруженная З.А. Тимошенковой челобитная священника Вельевского погоста Иякова Созонова (Сорокина), поданная в 1696 г. игумену и братии Иверского монастыря. Внимание клирика привлек почти искорененный к тому времени в Центральной России обычай, согласно которому его прихожане-“кореляне” на Пасху “ходят с медведи и с гудки, и с волынки, и играют и пляшут” (Тимошенкова 1999: 170). Бытование во второй половине XVII в. архаичной традиции скоморошества в Олонецком уезде не могло не поддерживаться ее носителями — “корельскими выходцами”.

Церковный праздник на полиэтнической периферии и его своеобразие

Акты приказного делопроизводства из фонда “Олонецкой воеводской избы” содержат крупницы драгоценных сведений — живые свидетельства современников, которые позволяют впервые приоткрыть завесу времен и обнаружить, как жители Олонецкого края четыреста лет тому назад отмечали церковные праздники. Реконструкция ареалов праздничных связей позволяет разделить церковные праздники Олонецкого края на общецерковные и локальные, а также выделить в числе локальных общинные (престольные и часовенные) и семейные (или родовые). Статус престольных праздников прихода “становой” церкви был выше прочих. Они объединяли крестьян на межпогостском уровне. Праздники приходов “выставочных” церквей являлись менее значимыми, объединяя крестьян на уровне отдельного погоста. Тем не менее ареалы праздничных связей не были раз и навсегда установленными, они могли расширяться и способствовать консолидации этносов. Часовенные праздники объединяли крестьян сразу нескольких кустов деревень в пределах одного прихода.

Специфика церковного праздника предопределялась восходящим к эпохе Средневековья и сохранявшимся повсеместно на Европейском Севере России вплоть до конца XVIII — первой трети XIX в. синкретизмом прихода. Праздничное время было временем схода представителей разных иерархически устроенных

крестьянских миров, объединявших локальное сообщество на уровне погоста и волосток, “станового” и “выставочных” приходов. Участниками церковных празднеств являлись представители всей крестьянской общины — люди разного возраста, имущественного и социального статуса. До окончания богослужения в многолюдном собрании полноправных членов общины близ церкви в трапезе разрешались значимые для всего “мира” дела, совершались хозяйственные сделки, разворачивалась торговля на локальных торжках и ярмарках. Духовное торжество, неразрывно переплетаясь с миром деловых и хозяйственных отношений, перетекало в мир праздника, сопряженного с установленными обычаями и игрой. Праздник совмещал в себе множество действий — участие в богослужении, в мирской сходке, в “братчине” (“пире”), в играх.

В разобранных житейских казусах все гости жаловались на избиение и грабеж по прибытии на праздник или во время ночлега. Подобные факты, как удалось установить, свидетельствовали о том, что праздник был местом, где нередко случались обычные в праздничное время беспорядки. Развертывание же многолетних семейных конфликтов и конфликтов между влиятельными крестьянскими кланами указывает на то, что участников праздника объединяли не только вертикальные, но и горизонтальные связи. На празднике встречались представители влиятельных крестьянских семей и родов, проживавших в погосте. Практика приема гостей по родству, зафиксированная этнографами в XIX — начале XX в., безусловно, уже существовала, однако выявленные житейские ситуации не могли не содействовать ее поддержанию. Нарушение единства прихода, общины и волости (= погоста) в конце XVIII—XIX вв., как представляется, привело к утрате приходом его былого синкретизма и трансформации церковного праздника, сужению прежде широкого состава гостей и функций.

Источники и материалы

Барсов Е.В. Олонецкий монастырь Клименцы с приписными к нему пустынями, царскими и иераршими грамотами // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 4. Ч. 2. М., 1871.

ВНА ИЛЛМИК — Виртуальный научный архив ИЛЛМИК: полнотекстовая электронная коллекция “Олонецкая воеводская изба” / Науч. ред. И.А. Чернякова. <http://carelica.petrus.ru/mediateka/home/sources/1>

Жуков 2024 — *Жуков А.Ю.* Набор таблиц “Погосты, волости и приходы Карелии (по материалам переписей Заонежских погостов конца XV — середины XVIII вв.)” // Разработка геоинформационного комплекса по истории расселения на территории Карелии (проект РГНФ, 2011–2013 гг.): материалы отчета за 2013 г. / Рук. проекта А.Ю. Жуков. Петрозаводск: Институт языка, литературы и истории КНЦ РАН, 2024. http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/rgnf_zhukov/pogosty_i_volosti_karelii.pdf

Калашикова 1994 — *Калашикова Р.Б.* Часовенные праздники Заонежья и Пудожья // Лицей. 1994. № 7 (август). С. 11.

Калашикова 1999 — *Калашикова Р.Б.* Летние праздники Кижской волости // ТВР Панорама. 1999. № 4/99. С. 32–33.

Лукашевич 2007 — *Лукашевич А.А.* Дванадцатые праздники // Православная энциклопедия / Под ред. патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

- Т. XIV. М.: Православная энциклопедия, 2007. С. 266–269. <https://www.pravenc.ru/text/171519.html>
- ОВИ – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 98. Олонецкая воеводская изба.
- РГАДА 1 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 1201. Оп. 1. Кн. 980. 1646 г.
- РГАДА 2 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 1201. Оп. 1. Кн. 1137. 1678 г. Ч. 1.
- РГАДА 3 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 1201. Оп. 1. Кн. 1137. 1678 г. Ч. 2.
- РГАДА 4 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 1201. Оп. 1. Кн. 8573. 1678 г.
- РГАДА 5 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 1201. Оп. 1. Кн. 8578. 1707 г.
- СУ 1987 – Соборное уложение 1649 г.: текст, комментарии / Коммент. Г.В. Абрамович и др.; рук. авт. коллектива А.Г. Маньков. Л.: Наука, 1987.

Научная литература

- Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002.
- Бернштам Т.А.* Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в.: этнографические очерки. Л.: Наука, 1983.
- Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988.
- Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007.
- Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2. Деятельность земского мира. Земство и государство. М.: Синодальная типография, 1912.
- Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Летопись необычайных явлений природы за 2,5 тысячелетия. СПб.: Гидрометеиздат, 2002.
- Верюжский В.М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской церкви в конце XVII века. СПб.: Тип. И. В. Леонтьева, 1908.
- Винокурова И.Ю.* Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.). СПб.: Наука, 1994.
- Винокурова И.Ю.* Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1996.
- Винокурова И.Ю.* Праздничная система крестьянского населения Олонецкой губернии (конец XIX – начало XX в.) // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий: исследования, источники, историография / Науч. ред. И.Ю. Винокурова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 9–37.
- Витов М.В.* Историко-географические очерки Заонежья: из истории сельских поселений XVI–XVII вв. М.: Изд-во МГУ, 1962.
- Жуков А.Ю.* Этносоциальные последствия христианизации Карелии (XIII–XVIII вв.) // Православие в Карелии: материалы 2-й международной научной

- конференции, посвященной 775-летию крещения карелов / Отв. ред. В.М. Пивоев. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2003. С. 53–59.
- Жуков А.Ю.* Престольные праздники Верхнего Присвирья в XV–XVIII вв.: опыт анализа переписей // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий: исследования, источники, историография / Науч. ред. и сост. И.Ю. Винокурова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010а. С. 87–129.
- Жуков А.Ю.* Церковно-приходская система Карелии: возникновение и развитие в XV – первой половине XVIII в. // “Уведи меня, дорога”: сборник статей памяти Т. А. Бернштам / Под ред. Н.Е. Мазаловой и др. СПб.: МАЭ РАН, 2010б. С. 249–292.
- Жуков А.Ю.* Становление приходов и волостей в Святозерско-Пряжинском и Крошнозерском ареалах межэтнического контактирования ливвиков и людиков в XV–XVIII вв. // Локальные исследования Южной Карелии: опыт комплексного анализа / Науч. ред. А.Ю. Жуков, Ю.В. Литвин. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2015. С. 52–101.
- Жуков А.Ю.* Карелы в последней четверти XV–XVII вв. // Народы Карелии: историко-этнографические очерки / Отв. ред. И.Ю. Винокурова. Петрозаводск: Periodika, 2019а. С. 29–40.
- Жуков А.Ю.* Вепсы в последней четверти XV–XVII вв. // Народы Карелии: историко-этнографические очерки / Отв. ред. И.Ю. Винокурова. Петрозаводск: Periodika, 2019б. С. 295–303.
- Знаменский П.В.* Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. СПб.: Коло, 2003 [1867].
- Камкин А.В.* Православная церковь на Севере России: очерки истории до 1917 г. Вологда: ВГПИ, 1992.
- Камкин А.В.* Сельский православный приход как явление духовной культуры Русского Севера XVIII–XIX вв.: об изучении темы в прошлом и современном регионоведении // Новгородский архивный вестник. 2000. Вып. 2. С. 31–38.
- Клементьев Е.И.* Успение Пресвятой Богородицы в Ондозере // Вепсы, карелы и русские Карелии и сопредельных областей: исследования и материалы к комплексному описанию этносов / Науч. ред. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2016. С. 157–164.
- Конкка У.С., Логинов К.К.* Будни и праздники: праздничный уклад // Деревня Юккогуба и ее округа / Отв. ред. В.П. Орфинский. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. С. 224–236.
- Конкка А.П.* Традиционные сельские праздники // Духовная культура сегозерских карел конца XIX – начала XX в. / Отв. ред. Е.И. Клементьев. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980. С. 89–100.
- Котлярчук А.С.* Праздничная культура в городах России и Белоруссии XVII в.: официальные церемонии и крестьянская обрядность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.
- Логинов К.К.* Ильинский погост глазами этнографа // Ильинский Водлозерский погост / Под ред. А.В. Пигина. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 125–136.
- Мелехова Г.Н.* Ильин день и Ильинский погост в жизни Водлозера // Ильинский Водлозерский погост: история, архитектура, эстетика, этнография / Под

- ред. А.П. Пигина. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 137–150.
- Мелютин М.Н., Теребихин Н.М.* Сакральный ландшафт Кенозерья. Архангельск, 2013.
- Панченко А.А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алетейя, 1998.
- Папков А.А.* Древнерусский приход: краткий очерк церковно-приходской жизни в восточной России до XVIII века и в западной России до XVII века. Сергиев Посад: 2-я типография А.И. Снегиревой, 1897.
- Папков А.А.* Погосты в значении правительственных округов и сельских приходов в Северной России. М.: Т-во типо-лит. "В. Чичерин в Москве", 1898.
- Поздняк Н.* Панозерский праздник // Панозеро: сердце Беломорской Карелии / Под ред. А.П. Конкка, В.П. Орфинского. Петрозаводск: Juminkeko-säätiö; ПетрГУ, 2003. С. 122–129.
- Пулькин М.В.* Православный приход и власть в середине XVIII – начале XX в. (по материалам Олонецкой епархии). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009.
- Пулькин М.В.* Религиозные праздники в городах Олонецкой епархии (XIX – начало XX в.) // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий: исследования, источники, историография / Науч. ред. И.Ю. Винокурова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 55–63.
- Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начало XX в. М.: Наука, 1979.
- Суслова Е.Д.* Критика реконструкции церковно-приходской системы Олонецкого уезда первой половины XVIII века // CARELiCA. 2019. № 2 (22). С. 71–98. <https://doi.org/10.15393/j14.art.2019.139>
- Суслова Е.Д.* Православные приходы Олонецкого края в политике Российского государства и Церкви в конце XV – начале XVIII века // Трансформация и интеграция: карельская периферия в Российской империи / Под общ. ред. И.А. Черняковой. СПб.: Наука, 2021. С. 230–302.
- Тимошенкова З.А.* Социокультурный облик северо-западной деревни XVII – начала XVIII вв. Псков: Изд-во Псковского гос. педагогического института им. С.М. Кирова, 1999.
- Черкасова М.С.* Актовые источники о пирах и братчинах на Руси XV–XVII вв. // Человек – текст – эпоха. Вып. 4 / Под ред. Е.Е. Дутчак, В.П. Зиновьева. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2011. С. 84–102.
- Чернякова И.А., Черняков О.В.* Писцовые и переписные книги XVI–XVII вв. как источник по истории деревянного зодчества Карелии // Проблемы исследования, реставрирования и использования архитектурного наследия Русского Севера / Отв. ред. В.П. Орфинский. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1988. С. 57–67.
- Чернякова И.А.* Карелия на переломе эпох: очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998.
- Чернякова И.А., Черняков О.В.* Алтарные посвящения приходских церквей как отражение православного менталитета крестьянина-карела дониконовской эпохи // Православие в судьбе Урала и России: история и современность / Отв. ред. архим. Викентий, В.В. Алексеев. Екатеринбург: ИИА УрО РАН; Изд-во Екатеринбургской епархии, 2010. С. 34–46.

- Чернякова И.А., Черняков О.В. Опыт подготовки электронной публикации архивной коллекции “Олонецкая воеводская изба” в Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии // Рябининские чтения-2011. Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / Отв. ред. Т.Г. Иванова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 196–199.
- Чернякова И.А. Карельское приграничье в XVII–XIX веках // Трансформация и интеграция: карельская периферия в Российской империи / Под общ. ред. И.А. Черняковой. СПб.: Наука, 2021. С. 303–382.
- Фрэнсис Е.П. Скоморохи и церковь // Скоморохи в памятниках письменности / Сост. З.И. Власова, Е.П. Фрэнсис. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 463–480.
- Швейковская Е.Н. Прокопьевская трапеза: праздник и повседневность на Русском Севере в XVII веке // Одиссей. Человек в истории. Вып. 11 / Гл. ред. А.Я. Гуревич. М.: Наука, 1999. С. 14–20.
- Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века. М.: Индрик, 2012.
- Шостын Н.А. Очерки истории русской метрологии. XI – начало XX века. М.: Изд-во стандартов, 1975.
- Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XV–XVII вв. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913.
- Tcherniakova I. Churches and Monasteries on the Shores of Lake Onego: Karelia // Saints of Europe: Studies Towards a Survey of Cults and Culture / Ed. G. Jones. Donington: Shayn Tyas, 2003. P. 135–170.
- Kirkinnen H. Karjala idän ja lännen välissä. I. Venäjän Karjala renessanssiajalla (1478–1617). Helsinki: Kirjayhtymä, 1970.

Research Article

Suslova, E.D. Church Feast in the Olonets Region in the Early Modern Period: An Experience in Reconstruction Based on Archival Sources [Tserkovnyi prazdnik v Olonetskom uезде v rannee novoe vremia: opyt rekonstruktsii po pis'mennym istochnikam]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 6, pp. 97–126. <https://doi.org/10.31857/S0869541524060068> EDN: VTOMNT ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Evgeniia Suslova | <https://orcid.org/0000-0003-1017-8761> | evgenia.suslova@mail.ru | Petrozavodsk State University (33 Lenina Ave., Petrozavodsk, 185910, Russia)

Keywords

Russian Orthodox church, parish, peasant community, festive culture, folk celebrations, Olonets region, seventeenth century

Abstract

The article attempts an inquiry into what exactly was the Church feast in the Olonets region of Russia during the period from the late 1640s through the early 1680s. Drawing on the comparative analysis of materials from the archival collection “Olonets Military Commander’s Office” and 17th/18th-century census books, I examine the variety of celebrations, their participants, regional differences and interconnections, as well as the elements and constituents of festive culture and the functions of the Church feast. There is evidence pointing to the participation of peasants in Church feasts and to the fact that their family celebrations and other events of household importance were often timed to the

latter. In the region where so called *chernososhnoe* peasantry (peasants working on state lands) prevailed and traditions of communal self-government were strong, parishes functioned both as religious and as land associations. Consequently, Church feasts meant simultaneously the time for holding celebrations, conducting important economic transactions, and administering communal matters. In ethnographic literature, there has been a rather common opinion that, among the Karelians and Veps of older times, Church feasts were special events for kin relatives only; however, I argue that it should be reassessed, since the new data attest to the presence of participants from different patronymic groups and land communities in these celebrations. In fact, Church feasts were instrumental in strengthening the positions of ethnic groups living in the region, intensifying interaction among them, and shaping local cultural traits.

References

- Agapkina, T.A. 2002. *Mifopoeticheskie osnovy slavianskogo narodnogo kalendaria. Vesenne-letnii tsikl* [Mythopoethic Foundations of the Slavic Folk Calendar. Spring-Summer Cycle]. Moscow: Indrik.
- Bernshtam, T.A. 1983. Russkaia narodnaia kul'tura Pomor'ia v XIX – nachale XX v. [Russian Folk Culture of Pomor'ie in the 19th – Early 20th Centuries]. Leningrad: Nauka.
- Bernshtam, T.A. 1988. *Molodezh' v obriadovoi zhizni russkoi obshchiny XIX – nachala XX v.: polovozrastnoi aspekt traditsionnoi kul'tury* [Youth in the Ritual Life of the Russian Community of the 19th – Early 20th Centuries: The Gender and Age Aspect of Traditional Culture]. Leningrad: Nauka.
- Bernshtam, T.A. 2007. *Prikhodskaa zhizn' russkoi derevni: ocherki po tserkovnoi etnografii* [Parish Life of the Russian Village: Essays on Church Ethnography]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- Bogoslovskii, M.M. 1912. *Zemskoe samoupravlenie na Russkom Severe v XVII v.* Vol. 2, *Deiatel'nost' zemskogo mira. Zemstvo i gosudarstvo* [Communal Self-Government on the Russian North in the 17th Century. Vol. 2, The Activity of the Peasant Community, Peasant Community and State]. Moscow: Sinodal'naia tipografiia.
- Borisenkov, E.P., and V.M. Pasetskii. 2002. *Letopis' neobychnykh yavlenii prirody za 2,5 tysiacheletii* [Chronicle of Extraordinary Natural Phenomena over 2,5 Milenia]. St. Petersburg: Gidrometeoizdat.
- Cherkasova, M.S. 2011. *Aktovyie istochniki o pirakh i bratchinakh na Rusi XV–XVII vv.* [Official Documents on Feasts and Collective Meals on Rus' of the 15th – 17th Centuries]. In *Chelovek – tekst – epokha* [Man–Text–Epoch], edited by E.E. Dutchak and V.P. Zinov'eva, 4: 84–102. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.
- Frensis, E.P. 2007. Skomorokhi i tserkov' [Skomorokhs and Church]. In *Skomorokhi v pamiatnikakh pis'mennosti* [Skomorokhs in Written Records], edited by Z.I. Vlasova and E.P. Frensis, 463–480. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Kamkin, A.V. 1992. *Pravoslavnaia tserkov' na Severe Rossii: ocherki istorii do 1917 g.* [The Orthodox Church in the North of Russia: Essays on History Before 1917]. Vologda: VGPI.
- Kamkin, A.V. 2000. Sel'skii pravoslavnyi prihod kak iavlenie dukhovnoi kul'tury Russkogo Severa XVIII–XIX vv.: ob izuchenii temy v proshlom i sovremennom regionovedenii [Rural Orthodox Parish as a Phenomenon of the Spiritual Culture of the Russian North in the 18th – 19th Centuries: On the Inquiry of the Problem in the Past and Modern Area Studies]. *Novgorodskii arkhivnyi vestnik* 2: 31–38.
- Kirkinnen, H. 1970. *Karjala idän ja lännen välissä. I. Venäjän Karjala renessanssiajal-la (1478–1617)* [Karelia between East and West. I. Russian Karelia During the

- Renaissance (1478–1617)]. Helsinki: Kirjayhtyma.
- Klement'ev, E.I. 2016. Uspeenie Presvatoi Bogoroditsy v Ondozero [The Assumption Day in Ondozero]. In *Vepsy, karely i russkie Karelii i sopredel'nykh oblastei: issledovaniia i materialy k kompleksnomu opisaniiu etnosov* [Vepsians, Karelians and Russians of Karelia and Adjacent Areas: Researches and Materials towards a Comprehensive Description of Ethnic Groups], edited by I.Y. Vinokurova, 157–164. Petrozavodsk: KNTs RAN.
- Konkka, U.S., and K.K. Loginov. 2001. Budni i prazdniki: prazdnichnyi ukhad [Weekdays and Festivals: Festive Practice]. In *Derevnia Yukkoguba i ee okrug* [The Village of Yukkoguba and Its Surroundings], edited by V.P. Orfinskii, 224–236. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU.
- Konkka, A.P. 1980. Traditsionnye sel'skie prazdniki [Traditional Rural Holidays]. In *Dukhovnaia kul'tura segozerskikh karel kontsa XIX – nachala XX v.* [Spiritual Culture of Karelians of the Segozero Area in the Late 19th – Early 20th Centuries], edited by E.I. Klement'ev, 89–100. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie.
- Kotliarchuk, A.S. 2001. *Prazdnichnaia kul'tura v gorodakh Rossii i Belorussii XVII v.: ofitsial'nye tseremonii i krest'ianskaia obriadnost'* [Festive Culture in Towns of Russia and Belarus' in the 17th Century: Official Ceremonies and Peasant Rituals]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
- Loginov, K.K. 2009. Il'inskii pogost glazami etnografa [Ilyinsky Pogost through the Eyes of an Ethnographer]. In *Il'inskii Vodlozerskii pogost* [Ilyinsky Pogost of Vodlozero], edited by A.V. Pigin, 125–136. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU.
- Melekhova, G.N. 2009. Il'in den' i Il'inskii pogost v zhizni Vodlozera [Ilia's Day and Il'insky Pogost in the Life of Vodlozero]. In *Il'inskii Vodlozerskii pogost: istoriia, arkhitektura, estetika, etnografiia* [Ilyinsky Pogost of Vodlozero: History, Architecture, Aesthetics, Ethnography], edited by A.P. Pigin, 137–150. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU.
- Melyutina, M.N., and N.M. Terebikhin. 2013. *Sakral'nyi landshaft Kenoz'er'ia* [Kenozero Sacred Landscape]. Arkhangel'sk.
- Panchenko, A.A. 1998. *Issledovaniia v oblasti narodnogo pravoslaviia. Derevenskie sviatyni Severo-Zapada Rossii* [Research in the Area of Folk Orthodoxy: Village Shrines of Northwest Russia]. St. Petersburg: Aleteia.
- Papkov, A.A. 1897. *Drevnerusskii prikhod: kratkii ocherk tserkovno-prikhodskoi zhizni v vostochnoi Rossii do XVIII veka i v zapadnoi Rossii do XVII veka* [Old Russian Parish: A Brief Outline of Parish Life in Eastern Russia Until the 18th Century and in Western Russia until the 17th Century]. Sergiev Posad: 2-ia tipografiia A.I. Snegirevoi.
- Papkov, A.A. 1898. *Pogosty v znachenii pravitel'stvennykh okrugov i sel'skikh prikhodov v Severnoi Rossii* [Pogosts as Administrative Districts and Rural Parishes in Northern Russia]. Moscow: Tovarishestvo tipo-litografii V. Chicherin.
- Pozdniak, N. 2003. Panozerskii prazdnik [The Panozero Holiday]. In *Panozero: serdtse Belomorskoii Karelii* [Panozero: The Heart of the White Sea Karelia], edited by A.P. Konkka and V.P. Orfinskii, 122–129. Petrozavodsk: Juminkeko-säätiö; PetrGU.
- Pul'kin, M.V. 2009. *Pravoslavnyi prikhod i vlast' v seredine XVIII – nachale XX v. (po materialam Olonetskoi eparkhii)* [The Orthodox Parish and the Government in the Middle of the 18th – Beginning of the 20th Century: Based on Materials of Olonets Diocese]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN.
- Pul'kin, M.V. 2010. Religioznye prazdniki v gorodakh Olonetskoi eparkhii (XIX – nachalo XX v.) [Religious Holidays in the Cities of the Olonets Diocese (19th – Early 20th

- Centuries)]. In *Prazdnichnye traditsii i novatsii narodov Karelii i sopredel'nykh territorii: issledovaniia, istochniki, istoriografiia* [Festive Traditions and Innovations of the Peoples of Karelia and Adjacent Territories: Research, Sources, Historiography], edited by I.Y. Vinokurova, 55–63. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN.
- Shost'in, N.A. 1975. *Ocherki istorii russkoi metrologii. XI – nachalo XX veka* [Essays on the History of Russian Metrology: XI – Beginning of the XX Century]. Moscow: Izdatel'stvo standartov.
- Shveikovskaia, E.N. 1999. Prokop'evskaia trapeza: prazdnik i povsednevnost' na Russkom Severe v XVII veke [The Meal after Saint Prokopii: Holiday and Everyday Life in the Russian North in the 17th Century]. In *Odissei. Chelovek v istorii* [Odysseus: Man in History], edited by A.Y. Gurevich, 11: 14–20. Moscow: Nauka.
- Shveikovskaia, E.N. 2012. *Russkii krest'ianin v dome i mire: severnaia derevnia kontsa XVI – nachala XVIII veka* [Russian Peasant in the House and in the World: Northern Village of the Late 16th – Early 18th Centuries]. Moscow: Indrik.
- Sokolova, V.K. 1979. *Vesenne-letnie kalendarnye obriady russkikh, ukraintsev i belorussov* [Spring and Summer Calendar Rituals of Russians, Ukrainians and Belarussians]. Moscow: Nauka.
- Suslova, E.D. 2019. Kritika rekonstruktsii tserkovno-prikhodskoi sistemy Olonetskogo uezda pervoi poloviny XVIII veka [Criticism of the Church and Parish System Reconstruction in the Olonets Uyezd during the First Half of the 18th Century]. In *CARELiCA 2* (22): 71–98. <https://doi.org/10.15393/j14.art.2019.139>
- Suslova, E.D. 2021. Pravoslavnye prikhody Olonetskogo kraia v politike Rossiiskogo gosudarstva i Tserkvi v kontse XV – nachale XVIII veka [Orthodox Parishes of the Olonets Region in the Policy of Russian State and Church at the End of the 15th – Beginning of the 18th Century]. In *Transformatsiia i integratsiia: karel'skaia periferiia v Rossiiskoi imperii* [Transformation and Integration: Karelian Periphery in the Russian Empire], edited by I.A. Cherniakova, 230–302. St. Petersburg: Nauka.
- Tcherniakova, I.A., and O.V. Tcherniakov. 1988. Pistsovye i perepisnye knigi XVI–XVII vv. kak istochnik po istorii dereviannogo zodchestva Karelii [Scribes' and Census Books of the 16th – 17th Centuries as a Source on the History of Wooden Architecture in Karelia] In *Problemy issledovaniia, restavrirovaniia i ispol'zovaniia arkhitekturnogo nasledii Russkogo Severa* [Current Issues in Research, Restoration, and Use of the Architectural Heritage of the Russian North], edited by V.P. Orfinskii, 55–73. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU, 1988.
- Tcherniakova, I.A. 1998. *Kareliia na perelome epokh: o cherki sotsial'noi i agrarnoi istorii XVII veka* [Karelia at the Turning Point of Epochs: Essays on the Social and Agrarian History of the 17th Century]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU.
- Tcherniakova, I.A., and O.V. Tcherniakov. 2010. Altarnye posviashcheniia prikhodskikh tserkvei kak otrazhenie pravoslavnogo mentaliteta krest'ianina-karela donikonovskoi epokhi [Altar Dedications of Parish Churches as a Reflection of the Orthodox Mentality of the Karelian Peasant of the Pre-Nikon Epoch]. In *Pravoslavie v sud'be Urala i Rossii: istoriia i sovremennost'* [Orthodoxy in the Fate of the Urals and Russia: History and Modernity], edited by archbishop Vikentii and V.V. Alekseev, 34–46. Ekaterinburg: IIA UrO RAN; Izdatel'stvo Ekaterinburgskoi eparkhii.
- Tcherniakova, I. 2003. Churches and Monasteries on the Shores of Lake Onego: Karelia. In *Saints of Europe: Studies Towards a Survey of Cults and Culture*, edited by Gr. Jones, 135–170. Donington: Shayn Tyas.

- Tcherniakova, I.A., and O.V. Tcherniakov. 2011. Opyt podgotovki elektronnoi publikatsii arkhivnoi kolleksii "Olonetskaia voevodskaia izba" v Issledovatel'skoi laboratorii lokal'noi i mikroistorii Karelii [An Experience in Preparing of Electronic Publication of the Archival Collection of the Governor of Olonets' Chancellery in the Investigative Laboratory for Local and Micro History of Karelia]. In *Riabinskies chteniia—2011. Materialy VI nauchnoi konferentsii po izucheniiu i aktualizatsii kul'turnogo nasledii Russkogo Severa* [Ryabinin's Readings — 2011: Materials of the 6th Scientific Conference on the Study and Updating of the Cultural Heritage of the Russian North], edited by T.G. Ivanova, 196–199. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN.
- Tcherniakova, I.A. 2021. Karel'skoe prigranich'e v XVII–XIX vekakh [Karelian Borderland in the 17th – 19th Centuries]. In *Transformatsiia i integratsiia: karel'skaia periferiia v Rossiiskoi imperii* [Transformation and Integration: Karelian Periphery in the Russian Empire], edited by I.A. Cherniakova, 303–382. St. Petersburg: Nauka.
- Timoshenkova, Z.A. 1999. *Sotsiokul'turnyi oblik severo-zapadnoi derevni XVII – nachala XVIII vv.* [Sociocultural Profile of the North-Western Village of the 17th – Early 18th Centuries]. Pskov: Izdatel'stvo Pskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. S.M. Kirova.
- Veriuzhskii, V.M. 1908. *Afanasii, arkhiepiskop Kholmogorskii, ego zhizn' i trudy v sviazi s istoriei Kholmogorskoj eparkhii za pervye 20 let ee sushchestvovaniia i voobshche Russkoi tserkvi v kontse XVII veka* [Athanasius, Archbishop of Kholmogory, His Life and Works in Connection with the History of the Diocese of Kholmogory for the First 20 Years of Its Existence and the Russian Church in General at the End of the 17th Century]. St. Petersburg: Tipografiia I.V. Leont'eva.
- Vinokurova, I.Y. 1994. *Kalendarnye obychai, obriady i prazdniki vepsov (konets XIX – nachalo XX v.)* [Calendar Customs, Rituals and Holidays of the Vepsians (Late 19th – Early 20th Centuries)]. St. Petersburg: Nauka.
- Vinokurova, I.Y. 1996. *Traditsionnye prazdniki vepsov Prionezh'ia (konets XIX – nachalo XX v.)*. [Traditional Holidays of the Vepsians of the Onego Region (Late 19th – Early 20th Centuries)]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU.
- Vinokurova, I.Y. 2010. Prazdnichnaia sistema krest'ianskogo naseleniia Olonetskoj gubernii (konets XIX – nachalo XX v.) [Festive System of the Peasant Population of the Olonets Province (Late 19th – Early 20th Centuries)]. In *Prazdnichnye traditsii i novatsii narodov Karelii i sopredel'nykh territorii: issledovaniia, istochniki, istoriografiia* [Festive Traditions and Innovations of the Peoples of Karelia and Adjacent Territories: Research, Sources, Historiography], edited by I.Y. Vinokurova, 9–37. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN.
- Vitov, M.V. 1962. *Istoriko-geograficheskie ocherki Zaonezh'ia: iz istorii sel'skikh poselenii XVI–XVII vv.* [Historical and Geographical Studies of Zaonezhie of the 16th – 17th Centuries: From the History of Rural Settlements]. Moscow: Izdatel'stvo MGU.
- Yushkov, S.V. 1913. *Ocherki iz istorii prikhodskoi zhizni na Severe Rossii v XV–XVII vv.* [Essays on the History of Parish Life in the North of Russia in the 15th–17th Centuries]. St. Petersburg: Tipografiia M.A. Aleksandrova.
- Zhukov, A.Y. 2003. Etnosotsial'nye posledstviia khristianizatsii Karelii (XIII–XVIII vv.) [Ethnosocial Consequences of the Christianization of Karelia (13th – 18th Centuries)]. In *Pravoslavie v Karelii: materialy 2-i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 775-letiiu kreshcheniia karelov* [Orthodoxy in Karelia: Materials of the Second International Scientific Conference, Dedicated to the

- 775th Anniversary of the Baptisation of Karelians], edited by V.M. Pivoev, 53–59. Petrozavodsk: Izdatel'stvo KarNTs RAN.
- Zhukov, A.Y. 2010. Prestol'nye prazdniki Verkhnego Prisvir'ia v XV–XVIII vv.: opyt analiza perepisei [Patronal Feasts of the Upper Svir Region in the 15th – 18th Centuries: Experience of Census analysis]. In *Prazdnichnye traditsii i novatsii narodov Karelii i sopredel'nykh territorii: issledovaniia, istochniki, istoriografiia* [Festive Traditions and Innovations of the Peoples of Karelia and Adjacent Territories: Research, Sources, Historiography], edited by I.Y. Vinokurova, 87–129. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN.
- Zhukov, A.Y. 2010. Tserkovno-prikhodskaiia sistema Karelii: vzniknovenie i razvitie v XV – pervoi polovine XVIII v. [The Church-Parish System of Karelia: Formation and Development in the 15th – First Half of the 18th Century]. In *“Uvedi menia, doroga”: sbornik statei pamiati T.A. Bernshtam* [“Take Me Away, Road”: Collection of Articles in Memory of T.A. Bernshtam], edited by N.E. Mazalova et al., 249–292. St. Petersburg: MAE RAN.
- Zhukov, A.Y. 2015. Stanovlenie prikhodov i volostei v Sviatozersko-Priazhinskom i Kroshnozerskom arealakh mezhetnicheskogo kontaktirovaniia livvikov i liudikov v XV–XVIII vv. [The Formation of Parishes and Volosts of Sviatozero-Priazha and Kroshnozero Areas of Interethnic Contact between Livviks and Ludics in the 15th – 18th Centuries]. In *Lokal'nye issledovaniia Yuzhnoi Karelii: opyt kompleksnogo analiza* [Local Studies of South Karelia: Experience of Comprehensive Analysis], edited by A.Y. Zhukov and Y.V. Litvin, 52–101. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr.
- Zhukov, A.Y. 2019. Karely v poslednei chetverti XV–XVII vv. [Karelians in the Last Quarter of the 15–17th Centuries]. In *Narody Karelii: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Peoples of Karelia: Historical-Ethnographic Essays], edited by I.Y. Vinokurova, 29–40. Petrozavodsk: Periodika.
- Zhukov, A.Y. 2019. Vepsy v poslednei chetverti XV–XVII vv. [Vepsians in the Last Quarter of the 15th–17th Centuries]. In *Narody Karelii: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Peoples of Karelia: Historical-Ethnographic Essays], edited by I.Y. Vinokurova, 295–303. Petrozavodsk: Periodika.
- Znamenskii, P.V. (1867) 2003. *Prikhodskoe dukhovenstvo na Rusi. Prikhodskoe dukhovenstvo v Rossii so vremen reformy Petra* [The Parish Clergy of Rus'. The Parish Clergy of Russia since the Reform of Peter the Great]. St. Petersburg: Kolo.